ПРЕГЛЕД / ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ / SURVEY AND BOOK REVIEWS

Ангелина Минчева (София, Болгария)

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК О СТАРОБОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Вера Иванова-Мавродинова, Аксиния Джурова. *Асеманиево евангелие. Староблъгарски глаголически паметник от X век.* Художествено-историческо проучване. Редакция и предговор на акад. Иван Дуйчев. Изд. „Наука и изкуство", С., 1981

Ассеманиево евангелие во многих отношениях занимает особое место среди староболгарских памятников. Оно раньше всех других памятников становится известным в науке — еще в 1736 году, издавалось больше всех других памятников (1865, 1878, 1929 — фототипное издание, 1955) и является единственным глаголическим кодексом, который содержит в себе текст изборного евангелия. К истории его изучения с точки зрения болгарской традиции (в исследовании указаны Б. Цонев и Ст. Младенов) стоит добавить, что отрывки из него на глаголице содержатся в хрестоматии по староболгарскому языку Ив. Момчилова[1] (I изд. — 1865 г., II изд. — 1881 г.), где наряду с этим автор дает краткое описание рукописи и ссылается на публикации Копитара и Сильвестра.

Целью настоящего издания, которое дает и первое цветное фототипное воспроизведение рукописи, является опубликование и исследование его орнаментировки — показать характерные особенности его орнаментации, проследить ее в связи с особенностями художественного оформления рукописной книги по отношению к другим староболгарским рукописям (прежде всего самым ранним глаголическим), поискать и раскрыть влияние ранней глаголической орнаментации на оформление более поздних глаголических и кириллических рукописей. Путем подробного и точного анализа элементов орнаментировки в Ассеманиевом евангелии (заставок, инициалов, орнамента, колорита) авторы указывают на его исключительную важность для истории глаголической книжной орнаментации. Установлены (и это одни из важнейших результатов исследования) связь оформления Ассеманиева евангелия с византийскими художественными традициями до середины X века, включая восточно-греческие провинции IX—X в., и близость орнаментации Ассеманиева евангелия и Преславской расписной керамики IX—X в. по колориту и по некоторым мотивам. В орнаментальном репертуаре рукописи, как устанавливают авторы, преобладают геометрические, а отсутствуют разработанные растительные мотивы, в петельках букв изображены человеческие лица (Христос и самаритянка, Лазарь, Козьма и Дамиан, Петр и Павел). Отмечается, что такие „иллюстрированные" инициалы имеют свою основу в старой восточной традиции. Геометрический стиль заставок напоминает лапидарные образцы поздней античности. Авторы подчеркивают, что реминисценции в орнаментировке Ассеманиева евангелия орнаментов поздней античности, обогащенные разнородными традициями (сирийской, коптской, палестинской), являются характерными вообще для дороманского периода и для средневековой европейской культуры. Для происхождения Ассеманиева евангелия и его связи с кирилло-мефодиевской традицией особое значение имеет характеристика, которую авторы дают художественным традициям в Витинии — область, где, по всей

[1] Сборникъ отъ образци за изучваньето на старобългарскыя Іезыкъ по сичко-то му развитьІе, преведенъ и събранъ от Ив. Н. Момчилова. I изд. Виена, 1865, II изд. Търново, 1881, с. 135-136 и 144-147.

вероятности, Кирилл и Мефодий создают первые славянские богослужебные книги. Там они имели возможность посмотреть на рукописи античных библиотек, а художественные течения отличались смешением разных традиций и влияний. Изложенные здесь выводы авторов обоснованы углубленно на основе богатого сравнительного материала и библиографии, в которой участвует и Л. Мавродинова. Общее заключение исследования орнаментировки следующее: „Орнаментировка Ассеманиева евангелия, опирающаяся на традиции предшествующей эпохи, созданная творчески и последовательно выдержанная в стилевом отношении, представляет собой отдельный и, по всему видно, самый ранний этап в истории глаголической книжной орнаментировки“ (с. 65).

Бесспорной заслугой исследования является то, что впервые в критерии, определяющие датировку данного письменного памятника, так систематически и последовательно вводится орнаментировка рукописной книги, чему несомненно способствовало и то обстоятельство, что Ассеманиево евангелие—самая богатая в отношении орнаментировки староболгарская рукопись — из 316 страниц только 97 не содержат орнамента. Авторы, ссылаясь на свой вывод о том, что Ассеманиево евангелие является образцом, который стоит в начале развития болгарской глаголической книжной орнаментировки, считают, что эта орнаментировка подтверждает датировку, „начала II половины X в.“ (с. 25). Высказанные до сих пор мнения колеблются между концом X и XI вв. и опираются на языково-текстологические данные, на содержущийся в рукописи синаксар и на палеографическую характеристику. По мнению И. Вайса и И. Курца, рукопись относится ко второй половине X—началу XI в. И. Хамм относит ее к началу XI в., Т. Лер-Сплавиньский и Ч. Бартула — к XI в., а Б. Велчева — к концу X в. В синаксаре Ассеманиева евангелия содержится самая ранняя граница возникновения рукописи — указание о смерти Климента (916 г.). Другую возможную границу можно было бы отнести к канонизации Ив. Рильского в святые, которая произошла около 980 г. и еще не отражена в календаре. Авторы ссылаются еще на одно дополнение синаксарного характера — на приписку на л. 146 об., которая является кириллической, и в ней говорится: мца : маѣ : к : стго ннколѫ : . Высказывается предположение, что в ней содержится память царьградского патриарха Николая I Мистика (сконч. в 924 г.) и что она может свидетельствовать о том, что Ассеманиево евангелие уже существовало, когда он был признан святым (с. 25). Против такой интерпретации приписки существуют несколько существенных возражений. Известно, что кириллические приписки на полях глаголического текста Ассеманиева евангелия (сверху, снизу и с двух сторон) являются поздними (после XI в.). В предисловии к исследованию акад. Ив. Дуйчев отметил это обстоятельство: „Точную датировку кириллических приписок вряд ли можно дать, однако их происхождение очевидно относится к периоду после XI в.“ (с. 9). А. Селищев относит их к XII—XIII в.[2], а Б. Велчева, которая посвящает специальную статью одной из этих приписок, где упоминается имя попа Стана — одного из их авторов — считает, что значимые в хронологическом отношении элементы в добавленных им пометах „как низкая пересеченная черточка буквы ѣ, крупная верхняя часть буквы ѧ могут отнести почерк к XII или позже всего к началу XIII в.“[3]. Приписка на л. 146 об. по ее палеографическим особенностям нужно отнести к той же самой группе приписок (л. 76 об., л. 157 об.). Заслуживает внимания и третья приписка того же типа на л. 126 об., которая указывает и на сходство грамматических особенностей с припиской на л. 146 об.: мца но ра : ф : дн : стѫ параскегнѫ ; паткѫ : Эта приписка подтверждает, что написание родительного падежа от имени ннкола с ѫ, а не с нормальным окончанием ы, очевидно говорит о нарушении падежного окончания. Сама форма имени — Никола — тоже указывает на популярный культ народного святого с фольклоризацией праздника (очевидно Николая Мирликийского), а не на новоканонизированное лицо с высоким саном. Ввиду этих соображений приписку нельзя включать в элементы датировки рукописи, тем более, что датировка авторов мотивирована прежде всего путем анализа характерных черт орнаментировки рукописи (срв. с. 25).

Синаксарная помета, однако, представляет интерес в другом отношении. Т.н. „летен Никола“ (в русской традиции „вешний Никола“), в наше время 9-ое мая в церковном календаре относится к перенесению мощей Николая Мирликийского из Мир Ликийских в католический город Бари (1087 г.) и вводится как церковный праздник сначала западной церковью (1091 г.). Его отмечание в ранних славянских рукописях дает очень важное сведение о включении этой первоначально католической традиции в православный кален-

[2] А. М. Селищев. Старославянский язык, часть I. М., 1951, с. 70.

[3] Б. Велчева. За една кирилска приписка в Асеманиево евангелие. Помощни исторически дисциплини, т. 3, С., 1981, с. 94.

дарь[4]. Б. Успенский указывает, что совсем немногие ранние рукописи дают сведения об этом празднике — одно болгарское четвероевангелие конца XIII в. из собрания Уварова и одна сербская псалтырь XV в. Он считает, что это упоминание нужно объяснить западным (католическим) или русским влиянием ввиду установленного факта о существовании русско-западнославянских связей, которые продолжались и в XI в.[5]. Это упоминание — позднее, как дополнение к синаксару Ассеманиева евангелия — явилось бы самым ранним случаем в южнославянской рукописи (XII—XIII вв.). Нет точных сведений о том, когда этот праздник был введен на Руси. Если приписку в Ассиманиевом евангелии нельзя объяснить непосредственным влиянием эвентуальных дополнений в византийском календаре, то ее можно было бы связать с продолжающимися отражениями контактов болгарского государства с Римом, которые, как известно, существуют еще до крещения болгар и не прерываются окончательно в последующих веках. Интерес к этому виду праздников в болгарском календаре находит некоторую параллель в указанном И. Дуйчевым факте, что еще в самый ранний период истории Преслава существовал пиетет к почитанию мощей святых и мучеников, что выражалось в собирании частей из них в новой столице[6].

Так как вопрос об использовании орнаментировки рукописей, как критерий для их датировки, имеет принципиальный характер, то мы рассмотрим вкратце отношение к нему данных остальных датирующих показателей Ассеманиева евангелия — языка, правописания и палеографического начертания букв. Первый важный момент, который нужно еще раз подчеркнуть, это то, что орнаментировка Ассеманиева евангелия копирует более ранний прототип, может быть протограф, непосредственно связанный с кирилло-мефодиевскими оригиналами: „. . . можно принять, что украшения ватиканского списка близки к кирилло-мефодиевскому оригиналу“ (с. 29). К сожалению, этого нельзя сказать в такой же степени о тексте Ассеманиева евангелия. Оно является единственным глаголическим изборным евангелием и как такое продолжает традицию самого раннего Кирилловского перевода, но, с другой стороны, показывает некоторые черты, которые отличают его от апракосных частей Мариинского и Зографского евангелий и свидетельствуют о более поздней редакции Кирилловского перевода (некоторое сходство с греческим оригиналом по отношению к синтаксису, определенные текстологические различия и пр.)[7], которая предполагает более продолжительную историю текста рукописи и не столь непосредственную связь с самым ранним прототипом, как это проявляется при орнаментировке. Авторы вкратце указывают на предполагаемые этапы в развитии текста (с. 20), ссылаясь на исследования Ф. Гривеца и И. Курца, но оценка об архаичности текста Ассеманиева евангелия, которая дана на с. 19, базируется на взглядах И. Вайса: „Среди староболгарских переводов евангельских книг перевод Ассеманиева евангелия с основанием считается самым ранним. Бо́льшая часть ученых предполагают, что его текст находится ближе всего к первоначальному славянскому переводу евангелия, сделанному братьями Кириллом и Мефодием, в третью четверть IX в.“ И. Вайс выбирает Ассеманиево евангелие как основу своей реконструкции самого старого евангельского перевода, исходя из текстовой связи его перевода и т.н. компромиссными греческими текстами (наличие западных элементов в предполагаемом исходном греческом тексте) и имея в виду некоторые совпадения с латинским евангельским переводом (Вульгата). Его выбор и подход, однако, остаются спорными, и против них имеются существенные возражения. Сразу нужно отметить, что эта текстологическая проблема — установление самого старого, первоначального Кирилловского перевода апракоса — касается всех староболгарских евангельских списков, так как исследование двух апракосов — глаголического Ассеманиева евангелия и кириллической Саввиной книги — показывает, что сближение с греческим текстом в лексическом и грамматическом отношениях, по-видимому совершившееся при более позднем редактировании, проявляется более сильно в апракосных евангелиях, чем в Мариинском и Зографском четвероевангелиях[8]. Для того, чтобы принять более ранним текст апракоса и его списка в Ассеманиевом евангелии, И. Вайс исходит также из его близости с т.н. богомильскими евангелиями XIV—XV в., которые действительно содержат в себе ряд очень архаических черт, но, наряду с этим, и значительную грецизацию в результате более поздней тенденции к приближению первоначального еван-

[4] См. Б. А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. Изд. Московского университета, 1982, с. 21—22.

[5] Там же.

[6] И. Дуйчев. Проблеми на средновековната история на Преслав. — Сб. Преслав, I, 1968, с. 34—35.

[7] См. обзор этих вопросов с соответствующей библиографией у K. Horálek. Zum heutigen Stand der textkritischen Erforschung des altkirchenslavischen Evangeliums. — Zslph, XXVII, 2, 1959, с. 255-274.

[8] Там же, с. 265.

тельского перевода к греческому тексту, прежде всего в синтактическом отношении[9].

Указанные языковые особенности Ассеманиева евангелия относятся к его тексту, т.е. к определенной редакции первоначального Кирилловского перевода, которая может быть представлена в различных рукописях разного времени. По отношению к Ассеманиевому евангелию, как к конкретному списку, несущему определенную информацию о фонетических и правописных чертах данной рукописи, нужно отметить, что и здесь наблюдаются определенные иновации по сравнению с остальными староболгарскими рукописями. Так, например, Ассеманиево евангелие — это та глаголическая староболгарская рукопись, в которой больше всего встречаются случаи выпадения слабых эров, в том числе и в конце слова, что является результатом определенных изменений в живом языке в рамках староболгарского периода[10], и свидетельствует о том, что этот список возник в момент, когда фонетический процесс уже ушел далеко вперед в своем развитии. Остальные глаголические рукописи придерживаются более архаических норм. Как известно, по стилю своего почерка Ассеманиево евангелие относится к памятникам, написанным на круглой глаголицей, которая связана с болгарскими землями и широко распространена в юго-западных книжных центрах[11]. Как указывает Б. Велчева, эта глаголица близка и к глаголице круглой церкви в Преславе и Басарабской надписи[12]. Исследование Б. Велчевой показывает, что по отношению правописания Ассеманиево евангелие тоже связано с памятниками, которые нужно отнести к более позднему типу (Зографское евангелие, Рильские листы, Клоцов сборник), и что в рукописи отражено взаимодействие различных староболгарских письменных манер[13]. По этому поводу нужно отметить, что в рамках всех дошедших до нас самых ранних глаголических рукописей Ассеманиево евангелие не является самой ранней, как это пишут авторы на с. 23: „самый ранний славянский глаголический памятник" (срв. и с. 19). И в палеографическом, и в языковом отношении приоритет имеют Киевские листки, связанные с Моравско-Паннонским периодом в деятельности Кирилла и Мефодия, в которых содержатся серьезные основания отнести их к началу X в.

Показывание этих сложных взаимоотношений между *различными уровнями* рукописи имеет целью подчеркнуть необходимость иметь в виду все критерии для его датировки. Пример с Ассеманиевым евангелием мог бы дать основание допустить, что во всех случаях, где можно использовать орнаментировка рукописей в целях датировки (в сущности, это должно стать абсолютно обязательным условием при описании и исследовании рукописных книг) то она явилась бы *самым архаическим элементом в датирующем комплексе*, из чего следует, что извлеченную из них хронологическую информацию нельзя абсолютизировать. В случае с Ассеманиевым евангелием исходную — и в этом смысле первоначальную и архаическую модель украшений самых ранних глаголических рукописей — можно было бы связать с одним важным моментом текстологической классификации евангельского перевода в зависимости от сохранившихся рукописей, который в последнее время подчеркивает Л. Мошинский: определенную изолированность текста Ассеманиева евангелия по отношению к остальным староболгарским евангельским спискам (глаголические Мариинское и Зографское четвероевангелия и кириллический апракос Саввина книга). Л. Мошинский предполагает, что существует первоначальное, очень раннее разделение кирилло-мефодиевского перевода на две редакции, с двумя прототипами, возникшими в результате предполагаемой самой ранней кирилло-мефодиевской версии, к чему можно добавить, что речь шла, по всей вероятности, и о протографах разного употребления. Ассеманиево евангелие является единственной и более непосредственно связанной с одним из этих типов редакции рукописью, в то время как остальные объединяются в другую группу, в составе которой предполагается наличие больше протографов[14]. В этом смысле заключения, которые делают В. Мавродинова и А. Джурова об орнаментировке Ассеманиева евангелия, могут быть доказательством об очень раннем возникновении этой текстовой редакции евангельского текста, которую представляет перед нами Ассеманиево евангелие. Что касается да-

[9] И. Дуйчев. Проблеми на средновековната история на Преслав. Сб. Преслав, I, 1968, с. 261 и сл., с. 269.

[10] См. К. Мирчев. Старобългарски език. С., 1972, с. 19; Ив. Гълъбов. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. С., 1980, с. 120, 121.

[11] Б. Велчева. Глаголицата и школата на Климент Охридски. — сб. Климент Охридски. 916-1966. С., 1966, с. 133-141.

[12] Б. Велчева. Проблеми на глаголическата писменост. Асеманиево евангелие. — сб. Константин-Кирил Философ. С., 1981, с. 167-171.

[13] Там же.

[14] L. Moszyński. Zróżnicowanie leksykalne najstarszych starocerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych. — Z polskich studiów slawistycznych, Seria 3 „Językoznawstwo". Warszawa, 1968, c. 195—204.

тировки самой *рукописи*, т.е. самого списка, в котором представлена эта *архаическая модель орнаментировки*, то, по-моему, нет оснований обращаться назад, относя его к середине X в., так как фонетические изменения (в сочетании с системой правописания), отраженные в данной рукописи, так или иначе остаются последним хронологическим пластом в его структуре. В Ассеманиевом евангелии нашли отражение результаты староболгарских фонетических процессов, характеризующие состояние, которое нужно отнести не раньше, чем к концу X в.

Новое издание Ассеманиева евангелия бесспорным образом подтверждает исключительное значение староболгарских рукописей не только как языковых, но и как художественных памятников, как важного источника сведений о староболгарской культуре. Это издание, которое передает Ватиканскую рукопись в возможно ближайшем к оригиналу виде, несомненно будет использовано в разных видах палеославистических исследований. Можем надеется — благодаря представленному в фототипном издании неразрывному единству палеографического, языково-правописного и художественного аспектов — что будущие исследования Ассеманиева евангелия будут иметь комплексный подход ко всем проблемам его текста, языка и орнамертировки.